

МЕМОРИАЛЬНЫЕ НАДПИСИ В ПАМЯТЬ О РЕПРЕССИЯХ: СОЛОВЕЦКИЕ ОСТРОВА И УРОЧИЩЕ САНДАРМОХ

Антон Лютынский

Антон Лютынский – доцент Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Адрес для переписки: ул. Мира, 32, Вологда, 160000, Россия. anton040677@gmail.com.

В работе анализируются тексты мемориальных досок и надписей на памятниках, установленных в местах памяти жертв политических репрессий 1920–1930-х годов в урочище Сандармох (Карелия) и на Соловецких островах. Появление этих знаков памяти в местах массовых захоронений рассматривается в качестве одного из способов изучения исторической памяти о советских репрессиях в России. Надписи на мемориалах не просто свидетельствуют об особом внимании к той или иной социальной группе погибших, но создают определенные иерархии и интерпретационные модели, отражающие отношение к репрессиям со стороны разных социальных групп, установивших мемориал. Практику установки памятных табличек в память о репрессированных автор рассматривает в качестве продолжения традиции размещения памятных досок в городском пространстве. Их объединяет относительная быстрота монтирования (особенно по сравнению со строительством мемориальных комплексов) и зачастую временный характер такого мемориала, в любой момент способного или превратиться в памятник, музей, мемориальный комплекс, или исчезнуть. Однако в отличие от городских мемориальных досок, отмечающих места рождения или иные значимые места жизни людей, мемориальные доски на местах массовых захоронений отсылают посетителя к месту смерти. Авторы текстов здесь вынуждены не только приводить биографические сведения об убитом (чаще всего дату рождения и смерти), но и рассказывать об отношении к факту его насильственной смерти. Поэтому тексты мемориальных табличек Сандармоха и Соловецких островов менее формализованы по сравнению с более или менее типичными текстами на городских мемориальных досках и в большей мере несут на себе отпечатки интерпретаций групп, установивших памятник.

Относительная легкость установки памятных мемориальных досок объясняет тот факт, что именно этот вид коммеморации является наиболее распространенным в местах массовых репрессий. О своем присутствии в пространстве памяти Сандармоха или Соловков наравне с влиятельными общественными организациями, представителями разных религиозных конфессий и национальных диаспор заявляют и местные жители, прикрепляющие на деревья и кресты мемориала фотографии своих репрессированных родственников. В результате большое количество мемориальных досок на Аллее памяти Соловецких островов и в урочище Сандармох является отличительной чертой памяти о советских репрессиях в этих местах и свидетельствует о ее разнообразии и неоднородности.

Ключевые слова: жертвы политических репрессий; мемориальные доски; коллективная (социальная) память

Один из наиболее сложных аспектов общественной дискуссии о массовых политических репрессиях в России заключается в том, что количество жертв настолько велико, что люди воспринимают репрессии слишком абстрактно. Констатации факта террора, осуществленного государством в отношении своих граждан, даже с опорой на статистику и документы, нередко оказывается недостаточно для того, чтобы общество осознало и приняло произошедшее событие как важное и имеющее значение для каждого его члена. Впрочем, эта проблема для России не уникальна. Все страны и культуры, столкнувшиеся с проблемой увековечивания трагического прошлого, вынуждены ее решать.

Воспоминания и мемуары, равно как и некоторые общественные акции, апеллирующие к ним, делают память о репрессиях более конкретной, понятной и близкой для сограждан. Неслучайно одной из миссий правозащитного общества «Мемориал» является выявление имен всех пострадавших в годы советского террора, а ежегодные чтения имен репрессированных в День памяти политических заключенных 30 октября вошли в один из обязательных коммеморативных ритуалов организации. Внимание к именам и биографиям репрессированных исключительно важно и для московского Музея истории ГУЛАГа. Точные сведения о количестве, обстоятельствах смерти и личностях жертв репрессий, включенные в пространство мемориальных комплексов и мест массовых захоронений, также призваны помочь в решении этой задачи.

Целью этого эссе является попытка анализа и сравнения текстов мемориальных досок и табличек, установленных в местах массовых захоронений, которые посетили участники российско-польской летней школы «Архипелаг общей памяти» в июле 2017 года. Речь пойдет о надписях на памятных досках и памятниках урочища Сандармох, мемориале на Аллее памяти Большого Соловецкого острова, мемориальных знаках, установленных в городах Повенец и Медвежьегорск недалеко от мест строительства Беломорско-Балтийского канала.

Я рассматриваю практику установки памятных досок на местах массовых захоронений в качестве коммеморативного акта, проливающего свет на специфику памяти о политических репрессиях в России. Морис Хальбвакс, один из теоретиков концепции исторической памяти, в своих исследованиях указывал на зависимость исторической памяти от групповых интересов и идентичности ее носителей. Память он считал реконструкцией отдельных элементов прошлого через призму настоящего, не тождественной прошлому, приспособляющейся и меняющей содержание бессознательно или сознательно, являющейся предметом манипуляции в различных социальных группах (Хальбвакс 2007). Связь памяти и групповой идентичности стала ключевым положением для большинства последователей его идей, работающих в парадигме *memory studies* (Нора 1999; Ассман 2014, 2016; Assmann and Conrad 2010). Память о травматическом прошлом занимает в этих исследованиях существенное место.

При большом интересе к изучению исторической памяти в России, исследований о взаимосвязи и взаимозависимости памяти и травмы не так много. К числу таких работ можно отнести сборник статей «Травма: пункты» (Ушакин и Трубина 2009), книгу Александра Эткинды «Кривое горе» (2016), исследование Валерия Подороги «Время после: Освенцим и ГУЛАГ» (2013). Так, наблюдения о материализации памяти и герменевтике боли, рассмотренные в статьях Сергея Ушакина и Эрика Сантнера, хотя и написаны на материалах, связанных с Афганской войной и Холокостом, обладают большим эвристическим потенциалом и для темы советских репрессий (Ушакин 2009) и для исследований репрезентации травмы (Сантнер 2009).

Функционально и стилистически мемориальные таблички на местах захоронений отсылают к многочисленным памятным мемориальным доскам, маркирующим городские пространства российских городов. Эти объекты преимущественно городской системы увековечения прошлого до сих пор привлекали к себе внимание в основном искусствоведов, изучавших их изобразительные достоинства (Рысаева 2012; Авдеенко и Шледровец 2017). Нередко публикации о мемориальных досках носят описательный характер и касаются прикладных аспектов бытования истории в городской среде (Мартынов, Леонов и Оношева 2015).

Между тем уже появились работы, рассматривающие памятные доски в качестве «мест памяти». Елена Беседина и Татьяна Буркова опубликовали исследование о мемориальных досках в Санкт-Петербурге. В их установке авторы «прочитывают» следы исторической политики Российского государства на протяжении двух веков (Беседина и Буркова 2013). В работе отмечено, что нередко установка памятной доски маркировала место будущего мемориала или музея, что указывало на зыбкость их статуса по сравнению с другими коммеморативными формами. В то же время мемориальная доска была наглядным свидетельством присутствия прошлого в настоящем, напоминавшем об особом значении выбранного места.

Большинство исследователей соглашаются с тем, что мемориальные доски появились в российской мемориальной культуре после войны 1812 года (Авдеенко и Шледровец 2017:9). Практика их установки постоянно развивалась и совершенствовалась, получив в советское время нормативное регулирование. Как и многое другое, мемориализация в виде публичных текстов в городском пространстве не могла существовать вне контроля советской власти.

При всей функциональной схожести мемориальных досок в городских пространствах с памятными табличками на кладбищах (и те, и другие маркируют место и время или называют имена, предлагаемые к увековечению), между ними есть существенная разница. Советские мемориальные доски маркировали преимущественно «позитивную историю» жизни героя – историю жизни («здесь родился», «здесь жил» и т. д.), борьбы (если речь шла о героях Гражданской войны или революции), успеха. Установленные памятные таблички и доски на местах массовых захоронений, как правило, апеллируют к смерти.

С точки зрения историков памяти, тексты на мемориальных объектах – памятниках, досках, мемориалах – являются не просто информацией, разъясняющей

посетителю причины установки этого мемориального знака, но и средством демонстрации гражданской, политической или классовой позиции участников коммеморации. Мемориалы жертвам политических репрессий наглядно это показывают.

Пространство коллективной памяти, связанной с трагедией и преступлениями тоталитарного режима в северных регионах России, формировались в течение нескольких последних десятилетий. В это время усилиями правозащитников и активистов были открыты многие места, связанные с историей политических репрессий. Мемориальные доски и памятные таблички были лишь малой частью существующих проектов коммеморации. Основные надежды связывались не с ними, а с мемориальными комплексами, значимыми для общества скульптурными композициями (Богумил 2010).

Как правило, установка памятных знаков (в том числе табличек и мемориальных досок в память о жертвах террора) происходила во время какого-то общественного мероприятия. Обычно это событие было приурочено к Международным дням памяти жертв Большого террора, организованными международным правозащитным обществом «Мемориал». Активисты общества приглашали на эти мероприятия родственников репрессированных, представителей национальных диаспор, дипломатических представителей разных стран, ученых, журналистов и всех, для кого память о репрессиях имела значение. По сути Дни памяти – это своеобразный, светский по характеру, паломнический ритуал, связывающий в единое целое людей разных культур, прибывших в места гибели заключенных в Сандармохе и на Соловках. Мемориальные доски и таблички, установленные в эти годы от имени всех собравшихся, казалось, должны были передать это единение. Соловецкий камень с лаконичным пояснением о том, в честь какого он установлен (подобным тем, какие есть на камнях, установленных в Санкт-Петербурге на Троицкой площади – «узникам ГУЛАГа, борцам за свободу, жертвам коммунистического террора» – или в Москве на Лубянке – «Этот камень доставлен обществом “Мемориал” из Соловецкого лагеря особого назначения и установлен в память жертв тоталитарного режима»), отметил в 1990-е годы основную географию советского террора.

Со временем Сандармох и Соловки стали посещать не только правозащитники и их сторонники, но и представители разных социальных групп: верующие, представители национальных диаспор, школьные классы и экскурсионные группы. В память о посещении они стали устанавливать собственные знаки – мемориальные доски. Их можно обнаружить не только на скульптурных и архитектурных объектах мест памяти, но на могилах и кенотафах. Менявшаяся политическая ситуация в стране, масштаб вовлеченности различных социальных групп в мероприятия, а также разнообразие акторов коммеморации, видимо, стали причинами разнообразия поясняющих текстов на памятных табличках и досках и в Сандармохе, и на Соловках.

Урочище Сандармох, место массовых казней в Карелии в 1930-х годах, находится в нескольких километрах от Медвежьегорска. Из основного текста мемориала в Сандармохе, размещенного на большой металлической пластине у вхо-

да, посетитель узнает о площади карьера, использовавшегося для расстрелов, о количестве найденных захоронений (прямоугольных ям, заполненных телами расстрелянных заключенных), о примерном числе жертв (более 7000 человек). Здесь сказано, что жертвами были представители самых разных социальных групп, народов («более 60-ти»), конфессий и профессий. В тексте подчеркивается интернациональный и космополитический характер мемориала. Авторы заканчивают надпись как бы обращением убитых к живым: «Люди, не убивайте друг друга».

Надпись на Соловецком камне, главном мемориальном объекте урочища Сандармох, более краткая и эмоциональная. Акцент здесь сделан на том, что за 7 лет в Сандармохе было убито «более семи тысяч ни в чем не повинных людей». Среди погибших в этом месте были жители Карелии и заключенные лагерей. Текст также завершается призывом как бы от имени погибших: «Помните о нас, люди! Не убивайте друг друга!». Тексты на других мемориальных сооружениях Сандармоха посвящены отдельным эпизодам репрессий. Так, на одном из крупных камней приведено точное число жертв расстрела: 1111 заключенных соловецкой тюрьмы, уничтоженных в конце октября – начале ноября 1937 года.

Важно отметить, что на мемориальном кладбище урочища Сандармох большинство текстов подчеркивают национальную или – реже – конфессиональную принадлежность жертв. Некоторые из них посвящены отдельным группам жертв: «Русским людям, невинно убиенным в урочище Сандармох»; «Памятник татарам – жертвам политических репрессий»; «Вечная память казакам – жертвам политических репрессий»; «Литовцам – узникам и жертвам ГУЛАГа»; «Памяти поляков, невинных жертв политических репрессий»; встречаются надписи, которые лишь кратко обозначают группу: «Сынам Грузии»; «Убиенным сынам Украины»; «Памяти финских жертв»; «Мир вам, о, лежащие здесь верующие и мусульмане».

Многие надписи выполнены на нескольких языках и имеют подписи: «Общество грузинской культуры», «От казаков ОКО РК», «Российский фонд культуры – Карельский филиал». Часть надписей на камнях («Русским людям, невинно убиенным в урочище Сандармох», «Литовцам – узникам и жертвам ГУЛАГа») подписи не имеют.

Возможно, инициатива появления в Сандармохе табличек и фотографий конкретных жертв принадлежит родственникам погибших. Эти таблички находятся рядом с крупными мемориальными объектами. Можно предположить, что таблички с фотографиями и именами отдельных людей появились как проявление позиции родственников, желающих отметить место гибели репрессированного члена семьи. Здесь мы видим, как разнообразна память о репрессиях: от индивидуальной до общечеловеческой.

Попытка сконструировать память о жертвах репрессий, объединив их в национальные или социальные группы, встречается и в другом месте, которое посетили участники летней школы – на Аллее памяти в поселке Соловецкий. Это место является символическим мемориальным кладбищем, расположенным на главном острове Соловецкого архипелага. Именно здесь заканчиваются традиционные Дни памяти. Огромный валун, находящийся на месте бывшего лагерного кладби-

ща, занимает главное место в мемориале. На нем краткая надпись без какой-либо подписи: «Соловецким заключенным», свидетельствующая о внациональном, общечеловеческом духе мемориала.

Даты, указанные на памятных знаках, свидетельствуют о постепенном заполнении небольшой территории мемориала. Здесь есть «польский» камень с надписью на двух языках «Памяти поляков – узников Соловков»; мемориальный камень «Памяти армян – жертв сталинской тирании»; мемориальная плита в память «безвинно убиенных якутян в лагерях С.Л.О.Н. и Белбаллага». Самая недавняя табличка на камне – «Русским, погибшим в С.Л.О.Н.». Некоторые из этих текстов подписаны, например, так: «Соотечественники» (польский мемориал) или «Армения, август 2014».

Мемориал в Сандармохе и Аллея памяти на Большом Соловецком острове позволяют увидеть несколько практик коммеморации. Оба мемориала объединяет одна особенность: на небольшой территории по-прежнему присутствуют тексты, в которых отражен гуманистический и космополитический принцип памяти о любой жертве, независимо от ее национальности, в то время как на мемориалах последних лет стало возникать больше надписей в память о представителях отдельных национальных групп-жертв репрессий. Мемориалы жертв политических репрессий превращаются в выставку «национализмов». В этом смысле установка памятной доски на Аллее памяти Соловков – «Русским, погибшим в С.Л.О.Н.» – кажется ироничной точкой отсчета новой, альтернативной мемориальной, памяти о репрессиях.

Подводя итоги работы летней школы, можно отметить, что исследование практики бытования различных мест памяти и коммеморативных практик невозможно без фиксации не только внешне выраженных форм памяти о трагедии, но и динамики изменений содержания и формы памяти о репрессиях.

После многолетнего замалчивания о репрессиях тексты, высеченные на мемориальных досках, рассказывают людям о событиях, которые прежде им не были известны. Содержание этих текстов представляет интерес и как отражение определенных представлений авторов о случившемся в прошлом, и как способ солидаризации с национальной или религиозной группой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдеенко, Алексей и Алена Шледовец. 2017. «Мемориализация революции и ее деятелей в провинциальном городе (на примере г. Кургана)». *Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования* 2–3:8–12.
- Ассман, Алейда. 2014. *Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение.
- Ассман, Алейда. 2016. *Новое недовольство мемориальной культурой*. М.: Новое литературное обозрение.
- Беседина, Елена и Татьяна Буркова. 2013. «“В этом здании жил и работал...”: мемориальные доски как образ исторической памяти». *Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета* 16:45–67.
- Богумил, Зузанна. 2010. «Кресты и камни: соловецкие символы в конструировании памяти о ГУЛАГе». *Неприкосновенный запас* 3(71). Просмотрено 10 июля 2018 г. (<http://magazines.russ.ru/nz/2010/3/zu3.html>).

- Мартынов, Анатолий, Евгений Леонов и Елизавета Онюшева. 2015. «Мемориальные доски г. Кемерово: классификация, проблемы изучения, особенности исследования». *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусства* 33–2:57–64.
- Мегилл, Аллан. 2005. «История и память: за и против». *Философия и общество* 2:132–165.
- Нора, Пьер. 1999. «Между памятью и историей. Проблематика мест памяти». С. 17–50 в *Франция – память*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета.
- Подорога, Валерий. 2013. *Время после. Освенцим и ГУЛАГ: мыслить абсолютное зло*. М.: Логос.
- Рысаева, Светлана. 2012. «Мемориальная доска как историческая и художественная память города Кемерово». *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусства* 21:186–193.
- Сантнер, Эрик. 2009. «История по ту сторону принципа наслаждения: размышление о репрезентации травмы». С. 389–407 в *Травма: пункты: сборник статей*, под редакцией Сергея Ушакина и Елены Трубиной. М.: Новое литературное обозрение.
- Ушакин, Сергей. 2009. «Вместо утраты: материализация памяти и герменевтика боли в провинциальной России». С. 306–345 в *Травма: пункты: сборник статей*. Сост. Сергей Ушакин и Елена Трубина. М.: Новое литературное обозрение.
- Ушакин, Сергей и Елена Трубина, ред. 2009. *Травма: пункты*. М.: Новое литературное обозрение.
- Хальбвакс, Морис. 2007. *Социальные рамки памяти*. М.: Новое издательство.
- Эткинд, Александр. 2016. *Кривое горе. Память о непогребенных*. М.: Новое литературное обозрение.
- Assman, Aleida, and Sebastian Conrad, eds. 2010. *Memory in a Global Age: Discourses, Practices and Trajectories*. Houndsmills, Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.

MEMORIAL INSCRIPTIONS TO COMMEMORATE REPRESSIONS: THE SOLOVETSKIE ISLANDS AND SANDARMOKH

Anton Liutynskii

Anton Liutynskii teaches law at the Northwestern Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University. Address for correspondence: ul. Mira 32, Vologda, 160000, Russia. anton040677@gmail.com.

This essay analyzes texts of memorial plaques and inscriptions on monuments commemorating victims of political repressions of the 1920s and 1930s at Sandarmokh in Karelia and on the Solovetskie Islands. The erection of these memorial tokens on the sites of mass graves is seen as one way to approach the historical memory of political repressions in Russia. Inscriptions on monuments not only testify to the special attention given to certain social groups of victims but also create distinct hierarchies and interpretative models reflecting attitudes towards the persecution of the diverse social groups that erected the monuments. The author suggests that the practice of installing memorial plaques to commemorate the repressed is rooted in the tradition of placing memorial plaques in urban spaces. Both types of memorials are relatively easy to install (especially as compared to constructing a memorial complex) and both are transient by

nature, always ready to be turned into a monument, museum, or a memorial complex—or to vanish altogether. However, in contrast with urban memorial plaques marking sites of birth, work, or major life events, memorial signs on mass grave sites refer to places of death. For this reason, creators of these commemorative texts are compelled to go beyond biographical details, such as dates of birth and death, and to articulate their attitude to the deceased's violent death. Consequently, the memorial inscriptions at Sandarmokh and the Solovetskie Islands are less formal than the more standardized texts of urban memorial signs, bearing witness to interpretations typical of the groups that erected the monuments.

The relative ease of installation explains the popularity of this particular kind of commemoration of mass grave sites. Along with influential public organizations and religious and ethnic communities, local residents also make their presence known in the memorial spaces of Sandarmokh and the Solovetskie Islands by mounting photographs of their repressed family members onto trees and crosses. As a result, the many memorial plaques all along Avenue of Remembrance on the Solovetskie Islands and at the site of Sandarmokh constitute a specific feature of commemorating Soviet repressions and illustrate the diversity and heterogeneity of this memory.

Keywords: Victims of Political Repressions; Memorial Plaques; Collective Memory